

Секция 5

РОССИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ: НОВЫЕ ЦЕЛИ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

13 апреля 2024 г. Лекционный зал № 2 СПбГУП

Руководители секции:

Ал. А. ГРОМЫКО	директор Института Европы РАН (Москва), член-корреспондент РАН, доктор политических наук, профессор РАН
Е. А. ИЛЬИНСКАЯ	профессор кафедры социально-культурных технологий СПбГУП, доктор культурологии
О. С. КУЗИН	декан факультета социальных технологий Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Санкт-Петербург), кандидат политических наук, профессор
А. В. МАНОЙЛО	профессор кафедры международных отношений и внешней политики России Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, доктор политических наук

ДОКЛАДЫ

Д. А. Ананьина¹

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОБРАЗОВ КИТАЯ И МОНГОЛИИ В ПРОСТРАНСТВЕ ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ТРАНСГРАНИЧЬЯ В КОНТЕКСТЕ ДИСКУРСА «ПОВОРОТА НА ВОСТОК»²

Внешнестрановая переориентация РФ на Восток, связанная с тектоническими сдвигами в глобальной геополитической повестке, способствует кардинальному пересмотру места и значения восточных рубежей страны в формировании плацдарма для всесторонней интеграции со странами Восточной Азии. В связи с этим представляется справедливым утверждение С. Лузянина, что «Сибирь и Дальний Восток России из исторической периферии объективно становятся центром поворота России на Восток»³.

Особое геополитическое положение Забайкалья, традиционно представляющего собой территорию транзита различных культур, обуславливало формиро-

вание своеобразной социокультурной ткани, в рамках которой происходило размывание границ между своим и чужим, при этом и то и другое прочно интегрировалось в общекультурный контекст региона. Вместе с тем межгосударственная граница не только выполняла формальную функцию демаркации территорий, но и служила экзистенциальной «перегородкой», разделяющей трансграничное пространство на три полюса — Забайкалье, Китай и Монголию⁴.

Описывая специфику трансграничного пространства, М. И. Гомбоева акцентирует внимание на выстраивании связей участвующих в нем акторов, которое происходит, с одной стороны, в рамках межгосударственного, «большого» взаимодействия, а с другой — в пространстве конкретных контактов, когда акторами являются представители стран, народов, государств⁵. В данном докладе мы остановимся как раз на антропологическом срезе этих процессов.

Маркирование всех трех полюсов трансграничного пространства в быденном сознании жителей региона не было константным и на протяжении всей своей истории претерпевало изменения в процессе трансфор-

¹ Доцент кафедры социальной работы Забайкальского государственного университета, кандидат философских наук. Автор 23 научных публикаций, в т. ч.: «Религиозная и этническая идентичность этнофоров в условиях этнокультурного конфликта (на примере уйгурского этноса СУАР КНР)», «Перспективы рассмотрения культурной травмы в свете экзистенциального подхода на примере процесса адаптации мигрантов к социокультурным условиям малого города (на примере г. Читы Забайкальского края)», «Репрезентация культурных практик стран исхода в социокультурном пространстве малого города (на примере мигрантов г. Читы)», «Влияние „культурной революции“ на трансформацию этнокультурной идентичности малочисленных народов КНР (на примере уйгуров СУАР)» и др.

² Доклад выполнен в рамках тематики научных исследований № 1023110900002-5-5.9.1 «Трансформация политических, экономических и деловых процессов в забайкальском трансграничном регионе».

³ Лузянин С. Дальневосточное измерение российского поворота на Восток. Закроет ли Китай санкционные «бреши» России? // *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 6. С. 14.

⁴ Кононов С. В. Мифотворчество как семиотический элемент дискурса о Китае в Забайкальском крае: теоретические аспекты // *Учен. зап. ЗабГУ*. 2016. Т. 11, № 3. С. 112.

⁵ Гомбоева М. И. Социокультурная специфика Восточно-Забайкальского трансграничья // *Теоретико-методологическое осмысление феномена трансграничья : материалы науч.-практ. конф. «Трансграничья в изменяющемся мире: Россия–Китай–Монголия»*. Чита, 2006. С. 41–48.

мации официального внешнеполитического курса, пролегающего в пределах «большого» межгосударственного взаимодействия.

В данном случае на одном полюсе располагается Забайкалье, саморепрезентация которого в обыденном сознании населения была и остается амбивалентной. Эта амбивалентность заключается в порою парадоксальном сочетании патриотизма и любви по отношению к своей малой родине и одновременно в критике и недовольстве как ее «ссылным» прошлым, так и ее текущим состоянием, описываемым зачастую в таких понятиях, как «периферийность», «отсталость» и «заброшенность».

На другом полюсе расположилась Монголия, ее репрезентативный образ также не был статичен и изменялся вслед за трансформацией широких рамок российско-монгольских отношений; диапазон этого изменения варьировался от восприятия ее в качестве «младшего брата, с которым дружба навек» до лишь эпизодических упоминаний в местных СМИ на фоне забвения. Относительно Монголии стоит отметить, что сегодня она во многом рассматривается жителями Забайкалья через призму соседства с Китаем — в тени экономического гиганта эта страна попадает в своеобразное «слепое пятно». У более старшего поколения Монголия продолжает маркироваться сложившимся в советские годы нарративом «младшего брата», но уже значительно отдалившегося. Рассеянный фокус внимания к Монголии прослеживается не только в обыденном сознании жителей, но и во внешне-экономической деятельности региона. На сегодняшний день в крае среди организаций-экспортеров только 11 ориентированы на монгольский рынок, при этом на китайский — 120.

На третьем полюсе — Китай, образ которого на протяжении времени изменялся от «непостижимости китайской культуры» до утилитарной стратегии местного населения в налаживании выгодных коммерческих контактов с китайцами, от страхов по поводу «желтой угрозы» до популярности китайской культуры, что находило выражение в привлекательности «китайского трека» в жизненных стратегиях местного населения. Так, например, менялось восприятие китайцев в XIX — начале XX века. С бурным развитием торговых отношений на российско-китайской границе китайцы начинают восприниматься как важнейшие партнеры, обладающие такими качествами, как предприимчивость, рачительность, деловая хватка, хитрость.

Немецкий востоковед Юлиус Клапрот характеризовал китайцев, участвующих в кяхтинской торговле 1805–1806 годов, следующим образом: «Вообще китайцы отличаются от всех торгующих на Кяхте народов порядком, исправностью, вкусом и остроумием. Притом они хитрее всех»¹.

В начале XX века восприятие китайцев изменилось в силу упадка политической власти Цинской династии, который спровоцировал социально-экономическую турбулентность в государстве, оборачивающуюся ростом нищеты и преступности, в том числе и в при-

граничных с Россией провинциях. В газете «Забайкальские областные ведомости» за 1903–1905 годы встречаются сообщения о продаже китайцами дочерей за долги, торговле по причине крайней нищеты детьми, включая мальчиков, по 10 рублей. Подобные инциденты маркировались в местном СМИ как жестокие, недопустимые и отвратительные («Существование в Китае рабства самой возмутительной формы»)². О борьбе с хунхузами на российско-китайской границе сообщалось: «Это зло возможно искоренить только лишь заменой в Маньчжурии всех китайских чиновников русскими, признавая существование хунхузов продуктом несовершенства государственного порядка и народного бесправия и шаткости гражданских прав в Китае, царящего в нем произвола подкупа»³. Указанные примеры иллюстрируют бытовавшее в то время восприятие Китая как государства неразвитого, плохо организованного, не справляющегося с задачами борьбы с преступностью и бедностью.

Очередной виток трансформации восприятия забайкальцами Китая и китайцев связан с революционными преобразованиями и вступлением обеих стран на путь построения коммунизма. Идеологическое единство на основе марксизма-ленинизма определило дружественный характер советско-китайских отношений до 1956 года и судьбоносного XX съезда ЦК КПСС, в ходе которого было положено начало ревизионизму и последовавшему затем охлаждению отношений двух стран. С конца 1940-х и до конца 1950-х годов Забайкалье активно интегрировалось в систему советско-китайских отношений, завоевывая статус одной из ведущих площадок для взаимообмена и сотрудничества по ключевым отраслям народного хозяйства. Примечательно, что взаимодействие осуществлялось также между рабочими коллективами в рамках Читинского отделения ОСКД (Общество советско-китайской дружбы), что подчеркивает немалую роль низовой инициативы жителей региона в поддержании дружеских отношений с китайской стороной⁴.

Как уже отмечалось, идеологический раскол двух социалистических держав привел к ухудшению советско-китайских отношений, в результате чего в Забайкалье вся система советско-китайского сотрудничества была парализована на 20 лет. На место декларируемой «дружбы народов» приходит страх перед китайской оккупацией. С. В. Петина в связи с этим замечает, что «в 1960–1970-е годы на территории Забайкалья проводились мероприятия, раскрывающие анти-советские действия китайского государства, осуществлялась агитационная работа с местным населением»⁵, благодаря чему среди населения начинают бытовать соответствующие страхи и легенды. Так, например, в этот период в Чите были распространены слухи относительно вреда, исходящего от китайских товаров, например термосов, внутренний стеклянный резервуар которых изготовлялся якобы с добавлением ртути.

² Забайкальские областные ведомости. 1904. № 9. С. 4.

³ Там же. № 13. С. 2.

⁴ Макеева С. Б. Советско-китайские отношения в Забайкалье в 1950-е годы // Вестн. ЧелГУ. 2010. № 15 (196). С. 101.

⁵ Петина С. В. Забайкалье в системе советско-китайских отношений (1949–1991-е гг.): автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 Отечественная история. Астрахань, 2005. С. 11.

¹ Попова И. Ф. Торговля России и Китая через Кяхту и Маймачен // Mongolica—XI: сб. науч. ст. по монголоведению. СПб., 2013. С. 32.

Очередное потепление советско-китайских отношений в 1980–1990-х годах было обусловлено трансформацией внутреннего содержания модели общественно-политического устройства СССР и КНР, взявших курс на рыночные преобразования. Стагнировавшие два десятилетия советско-китайские отношения стремительно налаживаются, наращивая сотрудничество по различным направлениям, что для Забайкалья имело фундаментальное значение в свете социально-экономического кризиса турбулентных 1990-х. В условиях распространения частной торговли для многих жителей региона «китайский трек» становится условием выживания. Широкую популярность приобретает система так называемого муравьиного бизнеса, в Забайкалье челночная торговля посредством перевоза товара через границу с помощью туристов — кэмпезов — была развита вплоть до пандемии COVID-19. Развитие частной приграничной торговли воскрешает в сознании жителей Забайкалья образ китайцев как умелых и хитрых торговцев, а Китая — как мировой фабрики.

Какой мифологизированный образ Китая существует в сознании жителей Забайкалья сегодня в связи с перестройкой внешнеполитического курса страны? Можно сказать, что он во многом амбивалентен. С одной стороны, Китай воспринимается как сильный и ресурсный партнер (в сознании старших поколений еще свежи воспоминания о 1990-х гг.). С другой — существует также традиционный страх китайской экспансии, периодически то становящийся латентным, то

активизирующийся с новой силой. Жителям Забайкалья генетически присущ страх «сдачи» своих территорий Китаю. Новым поводом для беспокойства становятся публикации в местных СМИ информации о недвижимости и землях, находящихся в собственности у китайских граждан. Все это может послужить новым витком развития страха «желтой угрозы», на сей раз тихой и незаметной.

Таким образом, соседство сразу с двумя восточными цивилизациями не могло не отразиться на процессе репрезентации образов населяющих их народов, вплетаясь в повседневную жизнь жителей Забайкалья. Как отмечает А. В. Жуков, представления о Китае и Монголии приобретали характер мифологизированных образов, отражающих не их самих, а переработанные сознанием населения региона слепки¹. При этом на каждом новом этапе истории эти мифологизированные образы трансформировались под воздействием глобальных политических и экономических факторов. Забайкалье всегда было включено в трансграничный контекст, однако в разные периоды времени отношения с соседними государствами то охладевали, то интенсифицировались. Как продемонстрировал данный краткий обзор, этот процесс был не линейным, а скорее напоминал синусоиду, в связи с чем сегодняшняя международная повестка определяет очередной виток развития российско-китайско-монгольских отношений и задает рамки трансграничной интеграции в зоне треугольника Россия–Китай–Монголия, наделяя ее новым смыслом и содержанием.

¹ Жуков А. В. Причины и факторы возникновения и распространения мифологических образов Китая у населения Забайкалья. Тамбов : Грамота, 2014. № 3 (41). С. 55.